

Смотритель Гродненского тюремного замка Рейнгардт предложил деньги изымать, а евреям устраивать отдельное питание, что впоследствии и было сделано.

В 1833 г. началось привлечение осужденных к оплачиваемому труду, который был направлен в основном на удовлетворение своих внутренних потребностей, хотя этот процесс был развит еще слабо. По-прежнему в Гродненской тюрьме, остававшейся самой большой в губернии, отсутствовали оборудованные мастерские, не было инструментов, на что тюремная администрация обращала мало внимания. Осужденные работали в городе на очистке улиц, занимались распиловкой леса, шитьем одежды и обуви для арестантов.

Следует остановиться и на такой важной стороне тюремной жизни, как медицинское обеспечение осужденных. В ряде документов того времени говорится, что арестанты часто болеют, а настоящей медицинской помощи им не оказывается. Так, с 1848 по 1859 г. в тюрьмах губернии умерли 242 человека, или каждый 77-й содержащийся в них [2, с. 68–70].

В 1915 г. в связи с немецкой оккупацией Гродненский замок перешел в ведение оккупационных властей, основная масса работников была эвакуирована в Калугу и другие города Центральной России. На этом царский период истории функционирования Гродненского тюремного замка заканчивался. В последующие годы уже в польский период в стенах Гродненской тюрьмы содержались: известный белорусский писатель и общественный деятель Пилип Пестрак; председатель Белорусской крестьянско-рабочей громады, доктор филологических наук, талантливый публицист, поэт и прозаик Бронислав Тарашкевич; знаменитый белорусский поэт Валентин Тавлай, а также видный белорусский общественный и государственный деятель Сергей Притыцкий.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лисицин, В. М.* За тюремной стеной: История Гродненской тюрьмы (XIX век – 1939) / В. М. Лисицин. – Гродно, 2003.
2. *Шарков, А. В.* Уголовно-исполнительная система Республики Беларусь: история и современность / А. В. Шарков. – Минск, 2010.

И. Н. Кузнецов

ТРОСТЕНЕЦ: ТРАГИЧЕСКИЕ УРОКИ ИСТОРИИ

Крупнейшим на территории Беларуси местом массового уничтожения людей в годы немецко-фашистской оккупации являлся Тростенец. По количеству жертв он занимает четвертое место после таких печально известных нацистских лагерей смерти в Европе, как Освенцим, Майданек

и Трестинка. В Тростенце погибли советские военнопленные, евреи из Беларуси и западноевропейских государств, подпольщики и партизаны, жители Минска, арестованные в качестве заложников.

Название «Тростенец» объединяет несколько мест массового уничтожения людей: урочище Благовщина – место массовых расстрелов; собственно лагерь – рядом с деревней Малый Тростенец, в десяти километрах от Минска по Могилевскому шоссе; урочище Шашковка – место массового сожжения тел. Однако мало кто знает, что в районе Тростенца в предвоенные годы и первые дни войны производились массовые расстрелы «врагов народа»...

По оценочным сведениям, в одном только Минске находится не менее десяти мест массовых расстрелов периода 1920–1940-х годов. Известны названия еще не менее 40 населенных пунктов на территории Беларуси, где также производились расстрелы в годы массовых репрессий советской власти. Во многих из них покоится прах жертв как сталинизма, так и нацизма.

Из тех мест массовых расстрелов в Минске наиболее известными являются урочище Куропаты и район Лошицы. Единичные расстрелы проводили на Кальварийском кладбище – трупы под покровом ночи закапывали в уже имеющиеся могилы. Еще одно захоронение, о котором известно немногим, было обнаружено во время строительства станции метро «Пушкинская». Там в бывшем скотомогильнике, где были зарыты зараженные сибирской язвой животные, лежали трупы 300 железнодорожников, расстрелянных в 1937 г. по личному приказу наркома Кагановича (захоронение было уничтожено при строительстве метрополитена).

В период 1937–1941 гг. массовые расстрелы проводились также в районе нынешней промышленной зоны Шабаны и в районе урочища Благовщина. В годы немецко-фашистской оккупации в Благовщине согласно официальной статистике было захоронено более 140 тысяч человек, но дает ли это нам право забывать о сотнях и тысячах наших сограждан, расстрелянных здесь сотрудниками НКВД в 1937–1941 гг.?

С осени 1941 г. в окрестности деревни Малый Тростенец (тогдашний колхоз им. К. Маркса) немцы стали привозить транспорты со смертниками. Думается, место это было выбрано неслучайно. Дело в том, что еще в последние дни июня 1941 г. части НКВД конвоировали по Могилевскому шоссе колонны заключенных из минских тюрем, а также жертв «зачистки» первых дней войны. Конвоировали обычно не дальше ближайшего леса, а это и были окрестности Тростенца. Но вот что интересно: ранее, в конце 1930-х годов, по свидетельствам очевидцев, в этой зоне были отселены хутора, и севернее того самого урочища Благовщина часть территории вблизи Могилевского шоссе отошла под охраняемый органами НКВД объект, откуда по ночам нередко доносились выстрелы.

Известно, что перед вступлением оккупантов в Минск все заключенные и лица, находящиеся под следствием за совершение так называемых

«контрреволюционных преступлений», были выведены из города несколькими колоннами по 2–4 тысячи человек. Достоверно известно, что 25 июня одна из колонн была расстреляна в районе Благовщины, другая – 26 июня за Червенем. Аналогичные расстрелы были произведены в июне 1941 г. и в других населенных пунктах Беларуси [1, с. 14]. Скрыть эти факты не смогли даже те авторы, которые отмечены как ярые сторонники законного характера сталинских репрессий. В частности, проф. А. Залесский в книге «И. В. Сталин и коварство его политических противников» писал: «В экстремальной ситуации первых дней Великой Отечественной войны сотрудники низовых звеньев госбезопасности сами решали вопрос о жизни и смерти заключенных... Из столицы Беларуси Минска колонны заключенных под охраной направлялись по Могилевскому шоссе. Однако, в связи с постоянными налетами немецкой авиации и выброской противником парашютных десантов, офицеры, сопровождавшие эти колонны, принимали довольно своеобразные самостоятельные решения. Иногда из-за боязни, чтобы арестованные в таких условиях не разбежались, сопровождавшие их офицеры брали на себя роль судебных органов» [2, с. 202].

Почему-то игнорируется тот факт, что 22 июня 1941 г. на заседании Бюро ЦК КП(б) было принято решение о исполнении приговоров в отношении осужденных к высшей мере наказания, содержащихся в тюрьмах БССР. На деле это означало расстрел всех осужденных по политическим мотивам «врагов народа».

К сожалению, кроме свидетельских показаний сегодня практически нет других документальных доказательств того, в каких именно местах и какое количество наших сограждан было расстреляно сотрудниками НКВД. Но можно ответить на вопрос, как это было. Вот фрагменты из воспоминаний узника минской внутренней тюрьмы НКВД Цодика:

«...Шел третий день войны – 24 июня. Немцы стремительно продвигались на Минском направлении, ломая оборонные линии наших войск... Через тюремные решетки доносились взрывы, тяжелый гул самолетов, в вечернем небе были видны отблески пожаров. На тюремном дворе “энкэвэдисты” загружали в крытые машины ящики с архивами, подносили и заталкивали в кузов несгораемые сейфы – шла эвакуация.

Под конвоем выводили и отправляли на машинах партии заключенных. В тюремном коридоре то и дело брэнчали связки ключей, лязгали засовы и звучала одна и та же команда: “Выходи строиться”.

...За полночь, часа в два ночи, в тюрьме снова послышался громкий топот бегущих ног. Вслед за ним сразу в нескольких местах раздалось лязганье железных запоров. Дверь в камеру Цодика распахнулась настежь, впустив вовнутрь полосу желтого дежурного света. “Все во двор строиться! Быстро!”.

Заключенные, давно ожидавшие этой команды, без лишних сборов потянулись друг за другом в освещенный створ двери. Цодик тоже подхватился с нар и пристроился к выходящим. По всему этажу и на лестничных клетках стояла усиленная охрана. Еще из трех-четырех камер выходили заключенные. Охранники торопили, подгоняли без конца, матерясь и угрожая. Вместе со “своими” Цодик вышел на улицу.

На тюремном дворе, выхваченном лучом прожектора, уже стояла колонна заключенных, человек сорок. Заключенные из камеры Цодика пристроились к ней, к ним присоединилась еще одна группа, потом другая – всего набралось человек сто. Может,

больше, может, меньше. Со всех сторон колонна заключенных была окружена плотным кольцом конвоиров с собаками. Чуть поодаль стояла группа тюремного начальства, Цодик узнал среди них Кобу из комендатуры и следователя Лебедева.

Из состояния оцепенения его вывел громкий голос начальника тюрьмы. “Ну что, все вышли?” – крикнул он надзирателям. Те друг за другом отрапортовали, что заключенные в полном составе выстроены на тюремном дворе. “Значит, так, за малейшую попытку к бегству во время транспортировки – расстрел на месте. Поняли? Быстро погрузить всех в машину, охрана с собаками садится в последнюю!”

Операция была заранее продумана и отрепетирована – по команде начальника оцепление охранников сразу же перестроилось, распалось на команды, каждая из которых занялась своей группой заключенных. Через минут двадцать посадка в машины была завершена. Пересчитанные по головам заключенные сидели, набившись как сельдь в бочке, в крытых брезентом машинах, ревели моторы, из глубины двора доносился голос начальника тюрьмы, отдававший последние указания.

...Колонна тронулась с места, крытые машины одна за другой выползли из тюремных ворот на ночную минскую улицу. Ехали медленно – то и дело приходилось обгонять марширующие в ночи воинские части; стучали об асфальт тысячи солдатских сапог, гроыхали артиллерийские орудия, гудели моторы. В этот гул постоянно врывались зенитные залпы, глухой раскат стреляющих пушек. На ходу сигнали и маневрируя, колонна наконец вырвалась из уличной сутолоки на Могилевское шоссе. Машины пошли побыстрее, но и здесь то и дело приходилось притормаживать, чтобы вписаться в поток людей и техники, катившей вниз по шоссе.

...Ехали по шоссе минут тридцать, внезапно машину слегка накренило на левый бок, она ткнулась носом вперед и съехала с шоссе, затрясшись неровной дрожью по ухабам и выбоинам проселочной дороги. Звуки колонны беженцев на шоссе удалялись, потом и вовсе затихли. Среди заключенных в машине нарастало напряжение.

Скоро машина сбавила ход, покатила по склону вниз, а через минуту застыла на месте. Раздалась команда, было слышно, как сзади спрыгивали наземь охранники с собаками – один, второй, третий. Вот целое отделение их пробежало с той стороны, где сидел Цодик. Взвизгнули замки, задний борт опрокинулся. “Слезайте по одному и быстро!”

Светало. Ночная темень на небе расплзалась от прикосновения приближающегося утра. Цодик протолкнулся к заднему борту и спрыгнул вниз, пристроился к своей группе. Вслед за ним еще спрыгивали другие, у Цодика было время оглядеться. Они оказались на краю неширокой ложбины, поросшей молодым сосняком и кустарником.

Кругом, метрах в пятидесяти, стоял лес – сосны вперемежку с елями, береза, ольха. В редких просветах виднелось поле с поднявшейся рожью. Если считать время в дороге, то это было не так уж далеко от Минска – от силы километров двадцать.

Возле каждой машины стояло наготове выстроенное подразделение охранников с собаками. Натренированные овчарки злобно рычали. Казалось, они были готовы разорвать в клочья этих сбившихся в кучу жалких людей. Когда последние заключенные оказались на земле, всех выстроили в шеренгу по двое. Цодик оказался вторым номером, стоял в задней линии.

Двое охранников приволокли откуда-то вязанку кусков проволоки. Последовала команда: “Руки всем назад, держать за спиной”. Охранники ходили по рядам – один подавал проволоку, второй схватывал ею запястья рук и быстрым движением закручивал концы.

Вскоре донесся быстрый топот ног. От группы заключенных возле второй машины отделился высокий молодой парень и рванул в сторону леса, потом крики охраны: “Стой, сволочь! Куда?!” лай спущенных собак, выстрелы – все одновременно. Не успев отбежать метров двадцать, парень споткнулся, качнулся из стороны в сторону и, раскинув руки, словно пытаясь удержаться за воздух, рухнул лицом вниз. Налетевшие псы вцепились в спину. Но беглецу было уже все равно. Он был мертв.

Все вышло так неожиданно, так просто и так жестоко, что заключенные стояли в глубоком потрясении. Обреченность, страх и бессилие прочно сковали их сознание.

“Так будет со всеми, кто попробует бежать!” – прокричал перед строем начальник охраны, заталкивая в кобуру пистолет. Он тоже успел выстрелить по бегущей мишени. И, кажется, остался доволен своим выстрелом. “А чего этих сволочей, врагов народа, жалеть, сегодня была команда их всех истребить ночью, нечего с ними возиться. Немец на подступе к Минску, вот это страшно. А оставишь их в живых, не иначе как перебегут к немцу”.

...Настал черед Цодика – от прикосновения холодной проволоки к рукам он вздрогнул. Три быстрых витка вокруг запястья и небрежно закрученные концы проволоки – вот и все. Цодик попытался пошевелить руками – проволока не давала, больно впилась в тело. Еще раз – как будто немного поддалась, но немного. И для чего все это? Все равно один конец.

...Их выстроили на краю ложбины, все четыре группы заключенных стянули вместе, в одну шеренгу. Спереди и по бокам заняли свои позиции охранники с винтовками наперевес. Офицеры вытащили пистолеты. Все делалось молча в зловещей тишине утреннего рассвета. Надежд на лучший исход ни у кого из заключенных не осталось.

...С первыми выстрелами Цодик упал на землю – нет, его не ранило, даже не зацепило. Сработал рефлекс “самомосохранения”, все произошло как-то само собой: выстрел, подкосились ноги, рухнул на землю. Пальба продолжалась, на землю падали новые тела. Еще выстрелы, еще... Потом все внезапно стихло. Только глухие стоны раненых, мольба о помощи врывались в эту тишину. Цодик услышал прозвучавшую команду, он узнал этот голос – командовал начальник охраны: “Проверить каждого, в живых никого не оставлять!”

Раздались торопливые шаги; они приближались, совсем уже рядом – Цодик сжался в пружину, оцепенел. Подбежавший охранник больно, со всего размаху ударил в бок Цодика – стиснув зубы, Цодик смолчал. Рядом в забытьи простонал раненый – это его погубило и это спасло Цодика, охранник сразу же переключился па несчастного, раздался один, потом второй выстрел в упор. Одиночные выстрелы звучали то здесь, то там.

Вскоре все снова стихло. Не было больше слышно ни стонов, ни выстрелов. И еще раз у самой головы Цодика прошуршали по густой траве чьи-то ноги – видно, начальник охраны со своими подручными проверял выполнение приказа. Минуты две спустя прозвучала команда: “По машинам!” Завелись моторы, “караван смерти” тронулся в обратный путь. Что есть силы Цодик вслушивался в удаляющееся гудение машин.

Сколько времени он пролежал в забытьи – неизвестно. Очнулся, когда сквозь щели в груди мертвых человеческих тел пробивался дневной свет. Перед его глазами предстала ужасная картина: в ложбине – сотни скрюченных, опрокинутых навзничь, распластанных тел. В перекошенных от боли лицах, посиневших губах, изуродованных агонией, в рыжих пятнах крови на траве застыла смерть.

Оглушенный увиденным, Цодик кинулся бежать со всех ног к лесу и потом еще долго, не разбирая дороги, пробирался напролом кусты можжевельника, молодой ельник. Спотыкался, падал, подхватывался снова и снова бежал.

На полпути до шоссе справа виднелась деревня – хат сто, не больше. Цодик заглянул в одну. У печи стояла старуха.

– Как называется ваша деревня?

– Трасцянец называецца» [3, с. 56–60].

Годы спустя, после того как Цодик вернулся в родную Беларусь и под фамилией Добровольский обосновался в Витебске, он узнал о трагедии Тростенца – о проклятом месте, превращенном фашистами в лагерь смерти. А еще он понял, что довоенная тайна этого места никому не известна.

А ведь трагедия Тростенца началась раньше: по воле злого рока в этом

месте переплелись не одна, а две трагедии, две страшные человеко-ненавистнические чумы, и единственным свидетелем той первой трагедии остался Цодик.

Можно привести еще ряд свидетельств, которые подтверждают предвоенную правду о Тростенце.

Правда, были и случаи освобождения некоторых узников. Из рассказа бывшего учителя Ю. А. Соболевского следует, что он был арестован в Минске органами НКВД в первый день войны. 24 июня 1941 г. арестованных вывели из камер и на тюремном дворе построили в колонну, которая двинулась на Восток по Могилевскому шоссе. 25 июня на большой поляне в лесу колонну остановили и объявили, что сейчас состоится суд. Охранники разделились на несколько групп, стали вызывать арестованных и требовать от них ответов на вопросы. Сержант НКВД, узнав что он учитель, отпустил его. Было отпущено еще несколько человек из числа интеллигентов. Остальные были расстреляны [2, с. 114].

Есть еще ряд документальных подтверждений. В частности, немецкий журналист Пауль Коль еще в 2000 г. детально описал технологию массового уничтожения узников, которая, в принципе, нам известна. Он продемонстрировал советскую топографическую карту 1939 г., где территория урочища Благовщина была обозначена как закрытый охраняемый объект [4, с. 18].

Возникло предположение, что к этому «закрытому охраняемому объекту» имеет прямое отношение НКВД. Доказательная база появилась в 1944 г., когда на месте нацистского лагеря уничтожения начала работать Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников в городе Минске.

Первоначально вскрыли захоронения не там, где была яма-печь, не сам концлагерь, а слева от Могилевского шоссе, в урочище Благовщина. Тогда-то и были опубликованы первые официальные данные о количестве погибших здесь людей. По версии членов комиссии, за полгода до прихода Красной армии фашисты начали выкапывать останки и сжигать. По количеству пепла был сделан первичный вывод о количестве жертв, тела которых находились в 34 рвах.

Но был, оказывается, в заключении Чрезвычайной комиссии еще один раздел, который в последующие десятилетия тщательно скрывался от обнародования. Дело в том, что Комиссией в начале работы была вскрыта та часть захоронений, которая находилась на территории, занятой нынешней городской мусорной свалкой. Эти захоронения оказались... предвоенными. Раскопки были немедленно прекращены, перенесены на 300–400 метров в сторону и в дальнейшем производились лишь в тех 34 рвах-траншеях, которые остались от нацистов. Прямыми уликами в подтверждение того, что здесь лежат жертвы довоенных расстрелов, служат многочисленные гильзы от оружия советского довоенного производства. Их собрали в 1994–1995 гг. сотрудники Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны при съемках документального фильма «Тростенец».

Бывший научный секретарь Музея А. Ванькевич в 1994 г. рассказала: «Как стало известно, в районе Тростенца погибло [в годы оккупации] более 500 тысяч человек, но давать гласность этим сведениям запретили члены ГЧК (Государственной Чрезвычайной Комиссии) из Москвы. Почему? Потому что, на взгляд, в это трудно поверить... Можно было пригласить международных экспертов. Останки полумиллиона погибших не иголка в сене. И вот здесь рождается еще одна, небезосновательная мысль: а не входят ли в это число и жертвы НКВД 30-х годов? Вспомнили же старые жители деревень Большой и Малый Тростенец стрельбу по ночам в довоенное время» [5, с. 63].

В 1957 г. на месте предвоенных расстрелов с санкции (или по прямому указанию?) властей совершенно сознательно была устроена городская свалка. Цель одна – скрыть следы преступлений. Иначе просто никак нельзя объяснить появление здесь этого «маскирующего объекта». И это было сделано, как ни странно, после того, как в 1950, а затем и в 1956 г. были приняты решения об увековечении памяти жертв фашизма.

Сегодня практически уже невозможно определить, сколько жертв сталинского террора было захоронено на месте нынешней свалки и в урочище Благовщина. До войны на месте, обозначенном на карте как охранная зона, не находилось ни военного полигона, ни какого-либо другого военного объекта. Он появился там лишь после войны.

Тайну этих захоронений, видимо, уже не придется открыть. То же и с другими местами, о которых мы точно знаем, что это – места массовых расстрелов периода сталинских репрессий. Ни одного документа, подтверждающего факт расстрелов в тех же Куропатах или в других местах, как мы знаем, не удастся найти исследователям в белорусских архивах, а архив КГБ наглухо закрыт до сих пор. Скорее всего, не будет обнаружено документов и по «Тростенцу», потому что они, по всей видимости, давно уничтожены с целью сокрытия следов преступления.

Нельзя не согласиться с выводами известного исследователя тростенецкой трагедии Е. Цумарова о том, что «сегодня небезосновательным следует считать и вероятные опасения руководства самого НКВД, что, в случае “выхода” на Нюрнбергский процесс “Тростенца” как захоронения большого количества граждан европейских стран, придется проводить эксгумацию с участием специалистов стран их происхождения, а также возможные перезахоронения на основе национальных традиций. А как же тогда отвести внимание дотошных иностранных специалистов от братских могил “происхождения” 1930-х годов и июня 1941 года. Ведь они – здесь же...» [6].

Сегодня, впрочем, как и вчера, можно задать «компетентным органам» ряд вопросов:

– почему именно в Тростенце, возле самой Благовщины, с захоронениями свыше 140 тысяч человек, была открыта после войны и за десятилетия выросла самая большая под Минском свалка?

– почему Благовщина вплоть до начала 1990-х находилась на территории военного полигона?

– почему осенью 2002 года во время проведения изыскательских работ специальным поисковым батальоном Министерства обороны не уточнялись места предвоенных расстрелов, хотя эти факты были опубликованы в печати?

Совершенно очевидно, что в данном случае идет фильтрация информации: о жертвах фашизма – можно, о жертвах сталинизма – «нежелательно». Требования восстановить истину во всем объеме трактуются как политическая игра. Замалчивание, сокрытие мест захоронений и количества жертв политических репрессий – аморально. Постыдно, что кто-то может иметь право на могилы и память, а кто-то все еще лишен его.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нямецка-фашысцкі генацыд на Беларусі. 1941–1944. – Мінск, 1995.
2. *Залесский, А. И.* Сталин и коварство его политических противников / А. И. Залесский. – Мінск, 2002.
3. *Майсеня, А. И.* Забыть не дано / А. И. Майсеня. – Минск, 1989.
4. *Коль, П.* Тростенец – лагерь смерти под Минском / П. Коль // Лагерь смерці Трасцянец 1941–1944 гг.: памяці ахвяр нацызму ў Беларусі: матэрыялы міжнар. навук.-практ. канф., 10 лістап. 2004 г., Мінск. – Мінск, 2005.
5. Лагерь смерти Тростенец: документы и материалы. – Минск, 2003.
6. *Цумаров, Е.* Тростенец: полвека беспамятства / Е. Цумаров // Народная воля. – 1999. – 15 дек.

Э. Г. Иоффе

КОГО МЫ ПОБЕДИЛИ? ПОБЕДА КРАСНОЙ АРМИИ НАД ВЕРМАХТОМ

9 мая 2017 г. народы СНГ и всего мира отметили 72-летие Великой Победы над германским нацизмом, сохранив в памяти не только имена своих освободителей от фашистского ига, но и тех, кто виноват в огромных жертвах и оставил свой кровавый след в западных областях СССР.

Захватнический план «Барбаросса» осуществляли 20 из 25 фельдмаршалов вермахта. Американский историк С. Митчем отмечает: «Когда в 1933 г. Адольф Гитлер пришел к власти, чин фельдмаршала был высшим в германской армии и считался заветной целью каждого немецкого солдата. В то время ни один из фельдмаршалов не находился на действительной военной службе более десяти лет. Бывший баварский ефрейтор изменил все в корне, начиная с 1935 г. В течение следующих десяти лет он присвоил чин фельдмаршала двадцати пяти высшим офицерам (девятнадцати армейским и шести авиационным). Двадцать три из них удостоились этого звания после капитуляции Франции в июне 1940 г.